

Петр Немировский

РЫБАК, СИКАРИЙ, АПОСТОЛ

Новелла

Глава 1

...Через несколько дней они покинули Иерихон и вошли в пределы земли Иуды.

В одном селении на постоялом дворе — хане — остановились на ночлег. Все легли спать, кроме Учителя, который, пожелав всем доброй ночи, вышел во двор. Подождав, когда все стихло и послышалось сопение уснувших, Симон осторожно поднялся с расстеленного на полу ковра и тоже выскользнул наружу.

Он увидел Учителя возле хлева, где в стойлах, пофыркивая, спали кони и мулы. Стараясь оставаться незамеченным, Симон вышел за ворота и прокрался вдоль забора. На углу его ждал какой-то мужчина, держащий под уздцы двух коней.

— Наконец-то. Я уже начал думать, что ты изменил свое решение и не придешь, — сказал мужчина, передавая Симону поводья. Затем вскочил в седло и, хлестнув коня плеткой, поскакал по темной дороге.

Симон — за ним следом. Вскоре оба всадника, обогнув высокий холм, направили своих коней через поле к горному кряжу.

xxx

— Другого выхода у нас нет, — Дан бросил камешек в догорающий костер. Поднявшись, отряхнул полы бурнуса.

Угли костра уже покрывались пеплом, лишь на конце одной еще не прогоревшей головешки тоненькими язычками колебалось пламя. Из черных трещинок порой выстреливали искры, озаряя лицо сидевшего у костра Симона.

Высокая нависающая скала загораживала вид на долину, по которой пролежала главная дорога на Иерусалим. Зато эта скала служила своего рода укрытием. С дороги их не могли видеть ни паломники, вереницы которых направлялись в священный город, ни торговцы, ведущие туда свои караваны по случаю предстоящего праздника, ни — самое главное — римские солдаты, усиленные конные дозоры которых в эти дни прочесывали окрестности Иерусалима.

Симон не отрывал глаз от огня. Будто в дрожании еще непогасших язычков хотел увидеть ответ на тот единственный вопрос, мучивший его в последнее время. Концом кривой терновой ветки легонько толкал недогоревшую головешку, чтобы пламя не гасло.

— Да возвратится весь Израиль ко Всевышнему, будь Он благословен, — промолвил Дан и, подняв голову, посмотрел на небо.

В великолепии восточной ночи звезды спустились так низко, что казалось, их можно достать рукой.

Вдруг за скалой — «тьо-ох! тьо-ох!» — кто-то издал короткую звонкую трель. Дан тревожно замер:

— Неужели они нас выследили? Собаки! — вытащив из-за пояса кинжал, он подкрался к выходу.

А Симон бросил в костер несколько горстей песка и разогнал рукой струйки дыма.

Скоро, скоро весь мир преобразится. Воскреснут и убитые в войнах, и умершие от болезней и старости, все иудеи, когда-то населявшие Израиль и угнанные в чужие земли. Воскреснет и его отец Иона, и его жена Мариам, умершая в родильной горячке. Новый век у порога!..

Но почему-то сейчас сидит Симон не в великом Храме и не среди братьев-апостолов, сопровождавших Равви три года по всей земле Израиля. А сидит, втайне от братьев, в горном ущелье, у потухшего костра. И Дан — один из предводителей zelотов, известный своей жестокостью к римлянам, минуту назад с кинжалом удалился проверить, что случилось и почему им свистнул «соловей»-дозорный. Неужели их выследили?..

— Все в порядке. Какой-то бродяга украл телегу с чужим добром и теперь ищет, куда ее спрятать, — сказал Дан, вернувшись. Посмотрел на неподвижно сидевшего Симона. — Значит, Кифа, условились: в Иерусалиме встретишься с Исавом. Найдешь его через Завулону, торговца овощами возле Яффских ворот.

Раздался глухой шлепок, и возле ног Симона упал кожаный мешочек:

— На, бери. Деньги теперь могут тебе понадобиться.

Затем — ш-шух! — новый звук от вошедшего в песок лезвия кинжала.

— Римляне называют эти кинжалы сиками, а нас — сикариями. Они нас боятся. Трусы!

— Амен, — промолвил Симон, выходя из раздумья.

Он встал. Подняв с земли мешочек с деньгами, сунул его в карман накидки. Затем вытащил из песка кинжал. Попробовал, удобна ли рукоять, обтянутая толстой кожей. Прочный кинжал. Таким — один удар в шею или в горло над доспехами, и римлянин — мертвый, на земле, в луже крови.

Да, сначала нужно уничтожить врагов — и только потом строить Царство.

XXX

Уже была глубокая ночь, когда двое всадников остановились возле хана. С одной лошади соскочил Симон. Поправив перекинутую через плечо сумку и на прощанье махнув рукой другому всаднику, направился к воротам. За его спиной раздался свист плетки и быстро удаляющийся стук копыт.

Войдя во двор, Симон увидел сидевшего у костра Иисуса и еще нескольких мужчин. Вероятно, им не хватило места в домах, и они улеглись под открытым небом на широких верблюжьих покрывалах.

Завидев Симона, Иисус поднялся и направился к нему. И Симону сразу стало ясно, что он не сможет рассказать Иисусу о том, где был сейчас, о том, что виделся с одним из вождей zelотов, что вооружен кинжалом.

Задумчиво посмотрел Иисус в глаза ученику своему, ничего ему не говоря. Словно ожидал от него какого-то признания. Но молчал Симон, только желваки дергались под густой бородой.

Неожиданно, как и всегда прежде, захотелось ему упасть перед Иисусом на колени и лобызать его пыльные стопы — грязные, в саже и пыли. Потому что любил Симон Иисуса, любил сильнее, чем себя самого...

— Ты чем-то опечален, Кифа? — тихо спросил Иисус.

— Да, Равви. Тревожно у меня на душе...

Возникло недолгое молчание. Иисус не сводил с Симона глаз. Не дождавшись от него объяснений, вздохнул:

— Скорби. Всех нас ожидают великие скорби, Петр.

И в тот момент, на постоялом дворе, неподалеку от хлева, Симон окончательно понял, что его сердце разорвано на две части. Что живут теперь в нем и неустрашимый гордый zelot, взявшийся за кинжал, чтобы во имя Божье убивать врагов Израиля; и другой — тоже неустрашимый — апостол, согласный ради Учителя терпеть любые муки, идти на самую позорную смерть.

Глава 2

Утром, после короткой трапезы, тронулись в путь. До Иерусалима идти оставалось недолго, успевали прибыть на место до захода солнца.

Симон шел рядом с Матфеем. Матфей ему что-то негромко рассказывал, и Симон чувствовал, что сегодня все его раздражает: и Левий, и солнце, сжигающее землю; и густая пыль над дорогой, и то, что Равви не захотел сделать привал в роще, где была тень.

Он знал причину этого раздражения — ложь. Он утаил от Учителя, что выбрал путь, который Иисус наверняка бы отверг. За все три года это был, пожалуй, первый случай, когда Симон что-то скрыл от Учителя.

В последнее время Иисус тоже изменился. Постоянно говорит о приближающихся скорбях, о том, что ему предстоит пострадать и погибнуть. Смотрит на учеников не так, как прежде, а с неким сожалением, будто не смог дать им того, что хотел...

Наконец, Иисус согласился сделать недолгий привал. Расположились в тени дрокового кустарника. Каждый занялся чем-то своим: Иуда стал пересчитывать деньги из походного ящика, те гроши,

которых едва хватает на ночлег и еду; Матфей развернул клочок пергамента и делает на нем какие-то записи, Андрей плетет из тонких веревок сеточку. Тянет младшего брата назад, на Галилейское море, к его тихой воде...

Все устали от этих бесконечных странствий, блужданий, от постоянной угрозы быть ограбленным или убитым. Мало ли их выгоняли из поселков, спускали на них собак, обворовывали на постоянных дворах? В горах на них нападали леопарды, в пустынях жалили скорпионы. Удивительно, почему до сих пор все они еще живы.

А Иисус говорит только о скорбях и своей близкой смерти. Вот и сейчас — удалился от всех, стал на колени и молится. Собрал с земли пыль, посыпает ею главу...

Глава 3

Возле загона для овец в Нижнем городе стоял невыносимый гам — накануне праздника там шла оживленная торговля.

Подойдя к одному из торговцев, Симон шепнул ему что-то на ухо. Смерив Симона острым взглядом, торговец жестом указал следовать за ним.

Они вошли в какую-то хибару, где провожатый подвел Симона к тыльной стене и отбросил наваленные там мешки. Открылся проем с вырезанными в земле ступенями, которые вели вниз.

В подвале слабо горел светильник, было душно. Четверо мужчин стояли у высокого каменного стола, о чем-то негромко разговаривая. Завидев вошедшего гостя, переглянулись.

Все они были одеты в простую одежду, ничем не отличаясь от обычных торговцев или пастухов. Только на одном из них был длинный черный плащ.

С улицы сюда едва долетали шум торговли и блеянье овец.

Один из мужчин подошел к Симону:

— Здравствуй, Кифа, рад тебя видеть. Проходи, — он протянул гостю руку.

— Здравствуй, Исав, — ответил Симон.

— Нашел нас легко? Надеюсь, хвоста за тобой нет. У тебя кинжал с собой?

— Нет, я спрятал кинжал в Гефсиманском саду, мне он пока не нужен.

К Симону стали подходить другие мужчины, знакомясь с ним.

— Заканчивайте болтовню, у нас мало времени, — сказал мужчина в черном плаще. Судя по тону, он был среди них главным.

На столе лежали длинные мечи с кожаными рукоятями, ножи с кривыми лезвиями, бронзовые нагрудники и сваленные в кучу туники с темными пятнами запекшейся крови. На одном углу стола поблескивала горсть серебряных монет.

Мужчина в черном сложил в мешок оружие и доспехи:

— Передадите это Руфу, он тоже организовывает отряд сикариев, ему это сейчас пригодится. А деньги отдадите главному коэну в храме. Все понятно?

— Да, Элезар, — ответили ему.

Возникла недолгая пауза. Все смотрели на Элезара, ожидая от него новых указаний. Он стоял, слегка раскачиваясь взад-вперед,

словно размышляя о чем-то. Неожиданно повернулся к Симону. Положил ему руку на плечо и крепко сжал:

— Ну, здравствуй, рыбак. Значит, ты пришел к нам и готов идти с нами?

— Да, — тихо ответил Симон.

— Хорошо, проверим тебя в деле. Завтра ночью, в третью стражу, ждем тебя у Сионских ворот.

XXX

Следующей ночью, в третью стражу, возле Сионских ворот были убиты два римских солдата.

Но Симона среди нападавших не было. Он не пришел.

Глава 4

Толпа повалила следом за отрядом. В полумраке Гефсиманского сада, озаряемом вспышками факелов, мелькали силуэты римских воинов, их поднятые копья и мечи. Раздавались окрики идущего впереди стражника — он требовал очистить дорогу и расступиться.

За отрядом семенили рабы первосвященника. Один из рабов прижимал к голове окровавленную тряпку — во время ареста Иисуса Симон кинжалом отсек ему ухо.

С близлежащих дворов сбежались люди, лаяли собаки.

Напрягая зрение, Симон, идущий сзади со всеми, видел светлый хитон Иисуса, мелькавший между красных плащей.

— Равви! Равви! — кричал он, размахивая руками, надеясь, что Иисус оглянется и увидит его.

Иисус, действительно, вдруг оглянулся и на мгновение остановил на Симоне взгляд. Было темно, и Симон не увидел глаз Учителя. Но он почувствовал взгляд этих глаз — заплаканных, скорбных, даже растерянных...

— Прочь! Прочь с дороги! — кричал воин, несущий факел, обрушивая на всех вокруг ругань и проклятия.

— Я с тобой, Равви, с тобой, — шептал Симон.

— Прочь, прочь! — кричали солдаты, поднимая факелы как можно выше, когда они вышли из сада и уже не было опасности устроить там пожар.

«К сикариям, быстрее к сикариям! Просить у них помощи!» — подумал Симон и, спрятав кинжал, побежал по уже знакомой дороге.

xxx

Холодная, очень холодная ночь. А днем-то было так жарко. Столько пыли поднималось над улицами Иерусалима, что трудно было дышать. Сколько жертв было принесено Всевышнему в эту Пасху, сколько воскурено благовоний! Тучные тельцы, горы овец и баранов лежали на каменных жертвенниках по всему Иерусалиму, на белых его древних камнях.

Жертвенные костры пылали на Елеонской горе, и возле всех семи ворот у входа в город, и возле дворца Ирода Великого. Но более всего их пламя полыхало в Храме, где первосвященник Каиафа, облаченный в золото и пурпур, в окружении коэнов и левитов, кропил жертвенное

мясо и произносил молитву молитв: «Шма, Исраэль! Слушай, Израиль: Господь, Бог наш, Господь – един есть!...»

Пасха! Праздник освобождения! Помни, иудей, о том, что ты был когда-то рабом в Египте. Великий Моисей вывел тебя из рабства. Скоро придет новый Моисей и поведет народ к новой свободе! Шма, Исраэль!..

Весь день возносились молитвы, и клубился дым над святым городом. Весь день пили вино, пели и плясали. Но уснул Иерусалим. На пустынных ночных улицах оставались только разорванные корзины, груды подгнивших овощей и фруктов, рассыпанная мука.

Глава 5

В Синедрионе еще продолжался суд над арестованным Иисусом, а в одном из недостроенных зданий в Верхнем городе собрались сикарии, вооруженные сиками и клинками.

План был такой: Исав, Элеазар и два других сикария ждут в укрытии сигнала, а Симон в одеянии монаха-назоря сидит неподалеку от них, у дороги. Когда из Синедриона поведут к Пилату арестованного Иисуса — на допрос и для вынесения приговора — Симон поднимется с земли и подойдет к страже. Начнет что-то кричать, устроит смуту. И тогда из укрытия выскочат сикарии. Через несколько минут все будет кончено. Нападать решили только в том случае, если в страже будет не больше пятерых солдат.

Местом для засады выбрали здание будущего суда. Старое здание недавно снесли, и там теперь строили новое. Это было единственное доступное для них место в Верхнем городе, где жила

знать. К тому же оно находилось близко от дороги, делающей в этом месте поворот, так что врага можно было достичь в несколько прыжков.

XXX

— На, рыбак, надевай. Побудешь в шкуре назорея, — Элеазар протянул Симону власяницу из грубой верблюжьей шерсти.

— Эти олухи в Синедрионе возятся всю ночь, чтобы разобраться с одним сумасшедшим! — возмутился Исав. — Успеть бы, пока не начала меняться стража, — Исав изверг новое ругательство в адрес судей в Синедрионе и отошел. Приник к стене и осторожно выглянул, нет ли чего подозрительного.

Все тихо, все спокойно: пустынная дорога, виллы, кипарисовая роща в утренней дымке.

— Видишь, рыбак, ты все-таки к нам вернулся, — промолвил Элеазар. — Скажи мне спасибо, что я согласился на твои уговоры. Думаешь, я хочу освободить твоего Иисуса? — Элеазар усмехнулся. — Нет, мне не нужен Иисус. Мне нужны римляне, их поганые жизни! Но большой беды не будет в том, если, убив несколько римлян, мы при этом спасем одного еврея. Верно, рыбак? А еще знаешь, чем мне нравится эта вылазка? Своей дерзостью: убить римлян в Верхнем городе, возле самой резиденции Пилата!.. Давай, рыбак, шевелись, — хлопнув Симона по плечу, Элеазар отошел в сторону.

Симон переоблачался: снял рубаху, и на нем осталась одна полотняная повязка вокруг бедер. Обвил себя кожаным шнуром, стянул его на груди в узел. Развернутые плечи, твердые, точные движения

выдавали в нем человека, долгие годы занимавшегося тяжелым физическим трудом.

Затем достал из сумки кинжал и просунул его в специальную петлю так, чтобы он оказался подмышкой слева. Накинул на себя власяницу. Готово — теперь он выглядел, как назорей.

Исав, дозорный, оглянулся и махнул им рукой: мол, все в порядке, можно выходить.

XXX

Покинув укрытие, Симон сделал несколько шагов и остановился возле остывающего жертвенника, обугленного и забрызганного кровью. Отсюда открывался обзор на всю улицу, по которой должны были вести Иисуса.

Сперва он решил сесть на обочине и ждать. Нет, так его фигура еще издали бросится в глаза и стражники могут что-то заподозрить. Придерживая власяницу, лег на землю. Так лучше. Положил голову на согнутую в локте руку и застыл в ожидании.

Подумал о том, что все-таки зря он дал волю сомнениям. Взявшись за плуг, не нужно оглядываться назад. Он должен остаться с сикариями и мстить, мстить врагам Израиля.

На какое-то мгновение он словно забылся. Какая-то сила заставила его посмотреть на свои руки. Он увидел, как кожа на ладонях стала вдруг расползаться, и острия двух черных гвоздей выступили из нее.

Удивленный, Симон повернул обе кисти рук и увидел, что и с внешней стороны они пробиты гвоздями. Из ран текли тонкие ручейки

крови. Внезапная боль пронзила ноги в лодыжках. Подтянув власяницу, он увидел, что ноги тоже пробиты гвоздями! Все вокруг смешалось для него, он словно выпал из времени, не понимая, что с ним происходит...

Из этого странного состояния его вывел приглушенный топот сапог и чьи-то голоса. Симон приподнял голову и присмотрелся.

Вдали на дороге появились фигуры. Было трудно различить, сколько их. Он лег и, притворившись спящим, зашептал: «Бог мой, помоги мне, помоги убить...»

До его слуха уже долетало бряцанье оружия. Сквозь прищуренные глаза Симон смотрел на приближавшийся конвой. Пятеро! Стражников было пятеро: двое шли впереди, трое — позади арестованного. Значит, на каждого сикария — по римлянину. Симон убьет того, переднего.

Воины были уже совсем близко. Симон отчетливо видел их короткие туники, кожаные нагрудники. И опущенные мечи в руках. Шагали солдаты не спеша, вяло переговариваясь между собой.

Будто бы разбуженный их шествием, Симон медленно оторвал тело от земли, сел, стал протирать глаза. Стража не обратила на него внимания: мало ли — какой-то нерадивый монах, напившись вина на Пасху, валяется на дороге!

Всё, сейчас он встанет и направится к ним. Разыграет спектакль, начнет кричать, размахивать руками. И незаметно его правая рука скользнет под власяницу...

Глаза... Глаза связанного Иисуса смотрели на него. Похоже, Иисус не был удивлен тем, что Симон сейчас здесь, на этой дороге.

Бледный, окончательно истощенный за последнюю ночь, Иисус смотрел на Симона, и в глазах его не было ни укора, ни осуждения. Только невыразимая боль. Быть может, Иисус хотел что-то сказать и остановился для этого. Но один из воинов, размахнувшись, ударил его по голове кулаком в кожаной перчатке и крикнул на ломаном арамейском:

— Живей, царь, не останавливайся!

Иисус пошатнулся, но не упал.

— А-а!!! — заорал Симон и, чувствуя, что больше себе не принадлежит, вскочил на ноги.

Но какая-то сила швырнула его обратно на землю. Он попытался снова подняться, но ноги его почему-то онемели. Резко налились болью пробитые гвоздями руки. Его словно пригвоздили к кресту, а потом перевернули вниз головой.

— А-а!!! — кричал Симон, стараясь сорваться с этого креста.

Солдаты, оглядываясь на бесноватого, продолжали шествие. Один из них что-то сказал, и все громко расхохотались...

Когда они скрылись за поворотом, из-за каменной стены появились сикарии. Подбежав к стоявшему на коленях Симону, стали осыпать его проклятиями. Разъяренный Исав пнул Симона ногой в спину:

— Зачем мы связались с тобой!

Симон упал лицом на камни, не в силах вымолвить ни слова. Смутно, в каком-то мареве, увидел над собою черную фигуру мужчины с кровавыми глазами, и тот заносил над ним нож.

— Убей его, Элезар! Иначе он нас выдаст!

— А-а!..

Иерусалим пробуждался, готовый к продолжению великого праздника. По дорогам покатали первые телеги. Появились женщины с корзинами и кувшинами в руках.

А на одной из улиц, возле остывшего жертвенника, в окровавленной власянице лежал Симон — ни жив ни мертв.

Глава 6

Месяц нисан в том достопамятном году выдался на редкость жарким. Чаше обычного на Иерусалим налетали песчаные бури. Масличные и лимонные рощи были обожжены нещадным солнцем, разорившим не одну крестьянскую семью. Началась дизентерия. От жары и инфекций умирали дети. Ползли слухи о моровой язве и других страшных болезнях.

Все чаще случались в городе нападения на римлян. Заколотых воинов находили в подвалах и выгребных ямах, возле ворот и у синагог.

Повсюду появлялись волхвы и знахари.

Мессия близок! Мессия уже при дверях!

xxx

— Впустите меня, мне нужно поговорить с вашим главным, — попросил Симон, остановившись в нескольких шагах от ворот, охраняемых двумя солдатами.

— Что ты хочешь сказать ему, бродяга? — спросил солдат, сделав движение копьем, словно отгоняя им, как палкой, стоявшего

перед ним иудея. — Думаешь, я не знаю, что ты будешь клянчить у нашего начальника денег?

Вид Симон имел самый печальный: его лицо было воспалено от укусов слепней и от гноящихся ран. Власяница, прикрывающая исхудавшее тело, была грязна, как были грязны и свалявшиеся волосы, и борода. От всей его фигуры веяло такой нечеловеческой усталостью, что, казалось, его можно свалить с ног легким толчком.

— Деньги мне не нужны. Я сам могу дать вам денег, — он полез в карман, где лежала монета.

Завидев медный асс на ладони настырного просителя, стражник поманил Симона к себе:

— Подойди поближе. Так что ты хочешь сказать нашему командиру? — он спрятал монету в кошелек за кожаным поясом.

— Я хочу увидеть Иисуса из Галилеи. Он был недавно арестован и приведен к игемону для вынесения приговора. Я хочу сказать вашему командиру, что я был с Иисусом и меня тоже должны арестовать. А еще... я готовил покушение на конвой, хотел убить одного из вас, — тихим, но уверенным голосом произнес Симон.

Слова о покушении подействовали. Охранник схватил Симона за плечо. Заведя его внутрь двора, в преторию, швырнул к стене. Потеряв равновесие, Симон упал.

— Марий, покарауль его. А я доложу Квинту, — сказал воин, направляясь к зданию с высоким портиком в глубине двора, где располагалось гарнизонное начальство.

Подтянув край власяницы и прикрыв ею ноги, Симон так и остался сидеть на земле, отрешенно глядя вслед воину, пока тот не скрылся в колоннаде.

В другой стороне двора стояли казармы, а на плацу солдаты отрабатывали приемы с мечами.

Несколько солдат, потехи ради, затеяли кулачный бой. Симону даже показалось, что он узнал одного из них — того, кто в ту страшную ночь конвоировал Иисуса.

Зачем Симон пришел сюда? Зачем, безоружный, сам пришел к врагам Дома Израилева?

В общем-то, он не собирался ничего скрывать. Еще у ворот сказал всю — первую и последнюю — правду: пришел, чтобы его арестовали и предали казни. Это — единственное, чего он, Симон, заслуживает. А чего желает больше всего, на что рассчитывает взамен на свое страшное признание и что воспринял бы как неслыханное счастье — это увидеть Иисуса. Хотя бы на минуту, на полминуты. Чтобы сказать ему лишь одно: «Равви, я люблю тебя. Прости меня». О-о, если бы ему выпало такое счастье, если бы...

Симон не знал, что случилось с Иисусом и где Равви сейчас. После случившегося с ним припадка Симон не знал, как долго аходился в беспамятстве.

Потом дни и ночи он бродил по улицам Иерусалима, спал в каких-то садах, а то и просто на каменистых склонах, под палящим солнцем, не обращая внимания на голод и жажду. Нигде не мог найти кого-нибудь из братьев-апостолов. Повсюду спрашивал об Иисусе, но никто не хотел с ним разговаривать. Правда, попадались сердобольные женщины, которые давали ему напиться, протягивали лепешку или мелкую монету.

Он принимал всё, в равной степени благодарил не только за хлеб, но и за удары и пинки. Знал, что заслужил всё это. Потому что грешнее

его, Симона из Вифсаиды, нет на Земле человека. Любой разбойник, вор или мытарь — лучше, достойней его.

Порой его охватывало такое отчаянье, что, придя в безлюдную рощу, он не раз снимал пояс и начинал связывать из него петлю...

Глава 7

Начальник секретной службы при прокураторе Иудеи – Квинт Корнелий, происходил из древней династии Гракхов, некогда знаменитого рода всадников, возвысившегося еще больше при Помпее, но после гражданских войн потерявшего всё свое бывшее могущество.

Молодому, наделенному многими дарованиями Квинту пришлось начинать свою карьеру не в Риме и даже не в Афинах, а в далекой, пыльной и дикой стране, на границе с Африкой. Причем не на почетном посту префекта или легата, а в должности весьма непочитаемой – начальника секретной службы при прокураторе. Разумеется, это вызывало у честолюбивого Квинта сильное недовольство.

Возмущало его и то, что приходится быть в подчинении у Пилата — солдафона и тупицы, который в глазах молодого образованного Квинта представлял собой уходящее реакционное поколение римлян, некогда утвердившихся исключительно за счет грабительских войн. Пилат не был знаком ни с греческой философией, ни с римской поэзией, расцвет которой теперь переживал Рим. По мнению Квинта, Пилат хорошо умел только штурмовать крепости и отдавать города на разграбление легионерам. А десять лет пребывания Пилата в варварской Иудее превратили жестокого военачальника в

провинциального интригана, смертельно опасавшегося доносов императору Тиберию.

Словом, у Квинта было достаточно причин презирать Понтия Пилата.

Печать аристократического рода лежала на всем облике Квинта. Короткие русые волосы открывали чистый, высокий лоб; щеки и узкий подбородок были покрыты аккуратной щетинкой, взгляд светло-голубых глаз был спокоен. И в этом невозмутимом взгляде практически невозможно было прочесть, что же у Квинта на уме.

Вот и сейчас, он так же спокойно и внимательно смотрел на стоявшего перед ним Симона.

На мраморном столе перед Квинтом стояла бронзовая фигурка Фемиды с весами в руке. Рядом с фигуркой лежал кинжал, отнятый утром у арестованного сикария, и свитки шелковой бумаги с последними доносами.

— Значит, ты уверяешь, иудей, что хотел напасть на римского воина?

В разорванном рубище, ослабевший от выпавших испытаний, Симон смотрел воспаленными глазами на мраморный стол, где чаши весов Фемиды под указательным пальцем Квинта то поднимались, то опускались.

— Да, я замышлял убить римлянина.

— Зачем?

— Чтобы освободить Иисуса, — еле слышно ответил Симон, опустив голову.

— Иисуса? Ты говоришь про того галилейского болтуна? — уточнил Квинт и с тоской посмотрел на вход, где менялась стража.

— Он — Бог, Мессия.

— А-а... — протянул Квинт.

В общем, он уже не сомневался в том, что перед ним — очередной религиозный фанатик, какими полна эта проклятая страна. Все ее жители в горячечном бреду ждут какого-то Мессию, который якобы установит какое-то новое царство. Как все безумцы, они живут призраками будущего и не способны наслаждаться настоящим.

Двух лет в Иудее Квинту было достаточно, чтобы понять основные особенности этого племени. И вот к какому заключению он пришел: иудеи — это зараза, вера их — тоже заразна, и она уже помрачает умы некоторых римских солдат и даже командиров! Но если иудеев душить, то они разбегутся и разнесут эту заразу по всей империи, и тогда с ними не справятся никакие римские легионы. Пилат этого не понимает и продолжает казни, чем вызывает еще большее озлобление. И в Риме, похоже, тоже не понимают, в какую грязь вступили, захватив этот клочок земли, изрезанный горами и пустынями.

Нужно, чтобы это племя оставалось здесь, на своей бесплодной земле, и не покидало ее границ. Пусть лучше грызутся между собой.

— И как же ты собирався убить римского воина? — спросил Квинт.

— В ночь Пасхи, когда Иисуса вели из Синедриона во дворец Пилата. Притворившись спящим, я лежал на дороге возле будущего здания суда. Ждал, когда приблизится конвой. Я должен был подойти, заколоть стражника и освободить Равви. Но сделать этого не смог.

— Почему же?

— Случилось так, что меня прибили к кресту гвоздями, и я лишился слуха и зрения. И так, в бреду и беспамятстве, висел на кресте вниз головой, не знаю сколько времени.

— Хм-м... И что же ты хочешь теперь? Зачем ты пришел к нам, своим врагам?

— Хочу... — Симон поднял голову и с мольбой посмотрел на Квинта. — Впустите меня к нему в камеру. На одну минуту. Только на одну минуту, прошу вас. Потом можете меня казнить.

— К нему в камеру? Что же ты собираешься ему сказать?

Симон приблизил ладони к лицу и задрожал всем телом:

— Хочу сказать, что я отрекся от него... Что я хотел убить человека... Что люблю его, люблю так сильно... — он заплакал, как ребенок.

И странным был этот плечистый, крепкий мужчина в рубище, с обожженным бородатым лицом, плакавший перед начальником секретной службы только потому, что должен сказать Иисусу о своей любви к нему...

— А чем ты хотел убить римлянина, безумец? Палкой или камнем? — спросил Квинт, испытывая к Симону всё большую брезгливость.

— Кинжал был спрятан у меня под власяницей, вот здесь, — Симон указал на место у левой подмышки. — Но когда я пришел в себя, кинжала не было, и я не знаю, как он пропал. А кинжал был точно такой же, как вот этот, что у вас на столе, — Симон кивнул в сторону стола. — Когда меня вели к вам на допрос, я узнал одного солдата, конвоировавшего Иисуса в ту ночь.

Не меня выражения лица, с таким же непроницаемым видом Квинт кивнул. Казалось, ничто не удивляет его, будто бы все, что сказал сейчас Симон, ему было заранее известно.

— Хорошо. Стража! — крикнул Квинт, и в проеме между колонн показался стражник.

— Возьми этого иудея и пойдти с ним во двор. Он тебе укажет на одного солдата. Приведешь сюда обоих. И не спускай с него глаз!

Охранник повел Симона во двор. Мимо шел какой-то воин, выгуливающий на цепи двух больших псов.

— Р-р-р!!! — псы ринулись на Симона, но солдат успел оттянуть их назад.

— Ну, где же тот, кого ты ищешь?! Или ты ослеп?! — кричал конвоир. Ему очень не хотелось ходить по плацу под палящим солнцем с этим иудеем, да еще и защищать его от собак.

— Сейчас, сейчас... Вон он!

Вскоре перед Квинтом стояли оба — Симон и опознанный им солдат. От солдата исходил такой сильный перегар, что Квинт, сидевший от него в нескольких шагах, скривился:

— Ты помнишь, солдат, как недавно, на их Пасху, вы из Синедриона вели во дворец некоего иудея? Да, того самого, которого потом распяли на Голгофе по решению прокуратора. Посмотри-ка внимательно: не узнаешь ли ты этого человека? Не встретился ли он вам тогда, по дороге во дворец?

Солдат смерил Симона хмурым взглядом:

— Кажется, он. Похож. Валялся возле здания суда. С ним тогда случилась падучая, и мы получили удовольствие, глядя, как он

выгибается всем телом, будто гимнаст в цирке. Что, нужно было его убить? — спросил он несколько виноватым тоном.

— Нет-нет. Зачем же убивать? Мы не для того сюда пришли и не для того охраняем этот несчастный народ, — ответил Квинт, и легкая улыбка коснулась его неподвижных губ. — Больше ты ничего не помнишь? Никаких других людей не видел тогда вместе с ним? Ничего подозрительного?

— Нет, больше ничего не припоминаю.

— Что ж, солдат, ступай. И не пей так много вина. Имей это в виду, иначе я прикажу начальнику гарнизона, чтобы он отправил тебя в ночной караул охранять Мусорные ворота. Пошел вон! — Квинт решительно выпрямился в кресле.

Дело, казавшееся ему пустяковым, приобретало серьезный оборот. Перед ним стоял, быть может, и не назорей, не религиозный фанатик, который ищет мученической смерти во имя какого-то Мессии, но явный преступник, замышлявший убийство римлянина! Неужели чутье его подвело? За столь короткий срок он, Квинт, казалось, до того уяснил всю подноготную иудеев, что может легко распознать, кто из них опасен, а кто нет. Опасны, впрочем, все.

Вот этот, к примеру: смиренник, ягненок, который на вид не то что убить — обидеть кого-либо не способен. Такого топчи, унижай, бей, веди на казнь — не промолвит ни слова протеста. О-о, если бы все иудеи были такими!

Но, оказывается, и он врет! Вот цена их покорности! Все они притворяются. Волки в овечьей шкуре. Прячут под плащами кинжалы, готовы на любые лишения, лишь бы убивать римлян и приближать свое проклятое царство!

Пальцы Квинта сжались в кулак, но лицо его сохраняло прежнее спокойствие:

— Стража!

XXX

— Да, введите.

В зале появился мужчина в рваной накидке и со связанными спереди руками. Это был Исав.

— Давно не виделись. Прошу прощения, пришлось тебя снова побеспокоить, второй раз за этот день, — с иронией произнес Квинт, не сводя глаз с обоих иудеев, стоявших перед ним.

Сейчас была важна любая мелочь: самый незначительный их жест, взгляд, интонация могли сказать Квинту больше, чем все их слова.

Неужели он нащупал заговор? Неужели в его руках сейчас два члена еще одной шайки сикариев? Квинт почувствовал себя охотником, напавшим на след преследуемого зверя.

— Знаешь ли ты его? Отвечай! Если соврешь, тебя казнят сегодня же ночью. А ты повернись к нему лицом! — велел он Симону.

Но тот словно не слышал приказа. Весть о том, что Иисус распят, повергла Симона в такую пучину горя, что ему стало совершенно безразлично всё, что происходит в этом зале, в этом городе, на этой Земле. Равви! Учитель! Невинный и самый чистый на свете — распят?..

— Нет, я не знаю этого человека и никогда не видел его, — твердо сказал Исав.

И тотчас на его голову и плечи обрушилось несколько ударов кнута из просоленной воловьей кожи.

— А-а! — Исав наклонился, накрыв голову руками, и по его пальцам снова прошелся кнут.

— Посмотри внимательней, — сказал Квинт, кивнув палачу за спиной Исава, чтобы тот не увлекался. — Не ты ли похвалялся, что в канун Пасхи готовил покушение на римских солдат? Не этим ли кинжалом, — Квинт поднял в руке сику, — вчера вечером возле моста ты заколол нашего солдата? Теперь мне все известно. Он мне всё рассказал о вашей шайке, всё, — Квинт указал на Симона.

Прежде чем Исав успел вымолвить слово, кнут палача снова упал на его спину. Стиснув зубы, преодолевая боль, чтобы не кричать, Исав смотрел на Симона. Но ничего в его лице не выдавало, что они знакомы:

— Нет, я не знаю этого человека. Вижу только, что он — назорей.

Квинт осуждающе покачал головой. Через мгновение его строгое лицо несколько смягчилось:

— А ты, бродяга? Посмотри на него. Не знаешь ли ты этого человека?

Выходя из забытья, Симон обратил взгляд к Исаву:

— Нет, не знаю. Вижу его впервые.

Повисла тишина. Палач за спиной Симона послал короткий немой вопрос Квинту — бить и этого тоже?

XXX

— Иди, монах, ступай. Я великодушно отпускаю тебя. Я не вижу за тобой никакой вины, никакого преступления перед Римом. Твои собраты сами послали на смерть твоего учителя, твоего бога. Они заставили прокуратора распять его, и Понтий Пилат был вынужден исполнить их волю. Твои собраты иудеи — вот кто твои истинные враги. Они, а не мы. Мы твои друзья.

Вот, возьми, это золотая монета, ауреус, с изображением божественного Тиберия. Купи себе еду, купи одежду. Живи, как хочешь. И помни, что всегда можешь прийти ко мне. Скажи охране: «Квинт Корнелий Гракх имеет власть», и стража пропустит тебя. Поверь мне, Квинт Гракх может очень многое. Главное, иудеи, запомни: Квинт имеет власть!

С этими словами он движением пальца дал указание стражнику, и тот повел Симона во двор.

Лицо Квинта, минуту назад расплывавшееся в улыбке, как то враз помрачнело. Его почему-то охватила смертельная усталость. В какой-то миг мелькнула странная мысль, даже не мысль, а скорее, ощущение, что он — Квинт Корнелий Гракх — сам ничтожная щепка в великом потоке событий, над которыми он не имеет абсолютно никакой власти...

Квинт досадливо засопел. Пожалел, что сейчас разыгрывал дурную комедию перед этим иудеем. Лучше было бы его заколоть, а потом ночью вывезти на телеге за город, на свалку, вместе с другими трупами. Или распять вниз головой. Да, это было бы лучше. Но уж ладно, пусть пока поживет.

Он легонько хлопнул в ладони, и из-за колонны, рядом со статуей Тиберия, вышел шпион.

Глава 8

Отдав золотую монету первому попавшемуся нищему, Симон шел по вечерним улицам Иерусалима, шел к Львиным воротам.

Под дуновениями еще жаркого ветра шелестели пальмы. Кричали мулы, груженые пустыми корзинами и горшками. Торговый день закончился, и базары пустели.

Но не видел ничего этого Симон. Не видел и того, что за ним, от самой претории, припадая к стенам и прячась за деревьями, увязался шпион.

Не нужны были Симону сейчас люди, и не людьми сейчас была занята его душа.

Его душа была полна Иисусом. Безбрежной тоской по нему. Симон видел перед собою только глаза Равви, устремленные на него. Боль в этих Божественных глазах. Боль за него, Симона, и за всех людей: иудеев, римлян, египтян, эллинов — всех творящих беззакония по своему невежеству и злобе, и не понимающих, что Царство Божье уже наступило. Что оно, Царство, уже на Земле, оно — в наших сердцах...

Он плакал, и слезы ручьями лились по его щекам и исчезали в густой, грязной бороде.

И лежала перед ним дорога — в пустыню, в страшную Иудейскую пустыню. Он будет там скитаться, жить в пещерах и каяться в том, что оказался недостойным этого великого Царства...

— Сюда, сюда! — вдруг кто-то схватил его за власяницу и потянул за собой.

Этот рывок был столь неожиданным и резким, что Симон не успел заметить, как очутился у забора на постоялом дворе. Там погонщики разгружали верблюдов и расстилали покрывала.

Перед Симоном стояла женщина в легком льняном платье, голова ее была небрежно покрыта платком. Симон решил, что это блудница — из тех, кто зарабатывают деньги на постоялых дворах. Хотел было оттолкнуть ее, но вдруг увидел в лице женщины знакомые черты:

— Мария? Ты? — удивленный, он отступил на шаг.

— Да, Симон, я. Знаешь, какая у нас радость? — женщина обвила его шею руками и зашептала: — Он воскрес! Иисус воскрес! — она стала теревить его волосы, целовать его бороду, глаза. — Он ждет тебя у Галилейского моря. Он любит тебя, Петр, любит! Ведь ты — избранный, ты же — камень, скала...